

**СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КРЕСТЬЯН КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПЕРИОДА «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

И.Г. Серёгина

История российского крестьянства является одним из примеров трагичности исторического процесса. На протяжении всей истории российской государственности крестьянство являлось в широком смысле этого слова российским кормильцем и вместе с тем наиболее бесправным и угнетённым слоем населения. И даже тогда, когда проводились реформы аграрной направленности, крестьянство в силу различных обстоятельств не могло в полной мере воспользоваться их результатами. В этом плане очень показательна история крестьянства советского периода, когда государство осуществляло радикальную перестройку аграрных отношений и когда сельское хозяйство и крестьянство, по сути дела, потеряли свою самоценность и превратились в средство достижения государственных целей. В этот период различные слои крестьянства неоднократно подвергались преследованию, насильно, репрессиям.

В советской историографии государственная репрессивная политика по отношению к крестьянству практически не изучалась. Советская аграрная политика рассматривалась как одна из закономерностей социалистического строительства, которая была вызвана специфической классовой сущностью крестьянства, организованного по-старинке, являющегося носителем традиционного менталитета и «дедовских» представлений о жизни и нуждающегося в силу этого в воспитании, контроле, шефской помощи со стороны рабочего класса, а аграрные отношения – в социалистической перестройке.

Правда, в отдельные моменты истории, такие, как «хрущёвская оттепель» и «перестройка», для исследователей в большей или меньшей мере оказывалась возможной попытка рассмотреть аграрную политику и аграрные отношения под иным, более объективным углом зрения и выдвинуть для изучения новые аспекты темы, например, историю кулачества¹. Вместе с тем Н.А. Ивницкий в полной мере испытал недовольство власти за то, что взялся за изучение столь «деликатной» темы и ввёл в научный оборот огромное количество архивных источников, недоступных учёным и общественности прежде. Через некоторое время определённые архивные фонды вновь стали закрытыми для исследователей.

Период «перестройки» и постперестроечное время оказались гораздо более благоприятными для исторической науки в плане изучения закрытых прежде тем советской истории, хотя и здесь были определённые трудности: неполная архивная обработка отдельных фондов, разбросанность материалов по архивам различ-

¹ *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). – М., 1972; *Гущин Н.Я.* Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). – Новосибирск, 1972.

ной принадлежности, а следовательно, и различный уровень доступности архивных материалов исследователям. Хотя нельзя не отметить, например, что в это время началась массовая реабилитация репрессированных в годы советской власти и часть материалов архивов КГБ была передана в более доступные в новых условиях партийные архивы. Это привело к актуализации проблемы репрессий в целом и темы «большого террора» 1937–1938 гг. в частности, изучение которого начинается на материалах различных регионов². После развала Советского Союза эта работа активизировалась. Стали издаваться Книги Памяти жертв политических репрессий, которые способствовали не только выявлению из небытия имён репрессированных, но и формированию представления о масштабах репрессий³. Более открытой стала и история органов госбезопасности⁴.

Значительный вклад в исследование истории политических репрессий в СССР внесли зарубежные исследователи, которые приступили к её изучению значительно раньше и в меньшей мере ощущали на себе давление различных политических обстоятельств⁵. Взгляд зарубежных историков на любую конкретную проблему, тем более такую, как политические репрессии, представляет интерес в виду применения иных разработанных принципов и подходов к изучению подобных тем.

В целом различные аспекты истории крестьянства в «большом терроре» получили освещение в российской и зарубежной историографии⁶. Это и неудивительно, крестьянство (в лице бывшего кулачества, раскулаченного, лишённого своих корней посредством высылки, подвергнувшегося так называемому трудовому перевоспитанию, лишённого политических прав) продолжало составлять, несмотря на осуществлявшуюся модернизацию, основную массу населения СССР и являлось одной из целевых групп в оперативном приказе народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., и одновременно первой в приказе по определению контингентов, подлежащих репрессии⁷. Бывшее кулачество составляло наибольшую долю из общего количества репрессированных по приказу.

В Калининской области за период с 1 января 1937 г. по 1 июля 1938 г., по данным УНКВД, было осуждено 12169 человек, в том числе приговорено к высшей мере наказания (1-я категория по приказу № 00447) 5063 человека (42%), к 10 и более годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) и тюремного заключения (2-я категория) – 6446 человек (53%), 158 человек были освобождены (1,2%), 3,8% были приговорены к менее значительным мерам наказания – ИТЛ и тюремному заключению на меньший срок, ссылке, высылке и т. д. Для сравнения приведём данные по годам. С 1 января 1937 г. по 1 января 1938 г. в Калининской области было осуждено 9423 человека, в том числе приговорено к высшей мере наказания 3386 человек (35%), к 10 и более годам ИТЛ и тюремного заключения – 5514 че-

² Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). – М., 1995; Вылцан М.А. Репрессии против крестьян. 30-е годы // Власть и общество в СССР: Политика репрессий (20–40-е гг.): Сб. ст. / Ред. кол.: В.П. Дмитренко, Г.Б. Куликова, Л.В. Якушина. – М., 1999; Маннинг Р. Массовая операция против «кулаков и преступных элементов»: Апогей Великой Чистки на Смоленщине // Сталинизм в российской провинции: Смол. арх. документы в прочтении заруб. и рос. историков: Сб. ст. / Под. общ. ред. Е.В. Кодиной. – Смоленск, 1999.

³ См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». – М., 2003. – С. 329–331.

⁴ От ЧК до ФСБ. 1918–1998: Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверской области / Сост. В.А. Смирнов, А.В. Борисов, М.В. Цветкова. – Тверь, 1998.

⁵ См.: Юнге М., Биннер Р. Указ. соч. – С. 343–347.

⁶ См.: Там же. – С. 329–331, 343–347.

⁷ См.: Там же. – С. 84–93.

людей (59%), 134 человека (1,4%) были освобождены, 4,6% были приговорены к другим, менее значительным, мерам наказания. В первом полугодии 1938 г. картина складывалась следующим образом: всего было осуждено 2746 человек, к высшей мере наказания приговорено 1677 человек (61%), к 10 и более годам ИТЛ и тюремного заключения – 932 человека (34%), освобождено – 24 человека (0,9%), приговорено к другим, более лёгким, мерам наказания – 4,1% осуждённых.

Рассмотрим, как складывалась аналогичная статистика в отношении бывшего кулачества. В 1937–1938 гг. в Калининской области по приказу № 00447 было осуждено 6949 бывших кулаков, что составляло 57% от общего количества осуждённых, из них к высшей мере наказания было приговорено 2922 человека (42%), к 10 годам ИТЛ – 3925 человек (58%). Другие меры наказания к бывшим кулакам не применялись. Из общего количества приговорённых к высшей мере наказания по Калининской области бывшие кулаки составляли 58%, а из общего количества приговорённых к 10 и более годам ИТЛ и тюремного заключения – 61%. Проведём сравнение по годам. С августа по декабрь 1937 г. было осуждено 5293 бывших кулака (56% от общего количества осуждённых за 1937 г.), из них к высшей мере наказания было приговорено 1874 человека (35%), к 10 годам ИТЛ – 3417 человек (65%). Из общего количества приговорённых к высшей мере наказания по Калининской области в 1937 г. бывшие кулаки составляли 55%, а из общего количества приговорённых к 10 и более годам ИТЛ и тюремного заключения – 62%. В первой половине 1938 г. ситуация складывалась следующим образом: было репрессировано 1656 бывших кулаков, что составляло 60% от общего количества осуждённых, в том числе к 1-й категории было отнесено 1148 человек (69%), ко 2-й – 508 человек (31%). В это время бывшие кулаки составляли 68% от общего количества приговорённых к высшей мере наказания и 55% от общего количества приговорённых к 10 и более годам ИТЛ и тюремного заключения⁸.

Таким образом, в первой половине 1938 г. в Калининской области произошло некоторое сокращение масштаба репрессий в целом и в отношении кулачества в частности по сравнению с 1937 г., но при этом нарастал их накал: в 1937 г. к 1-й категории было отнесено 35%, а ко 2-й – 59% репрессированного населения. В первой половине 1938 г. – соответственно 61% и 34%. В изучаемый период бывшие кулаки составляли значительную часть репрессированных в Калининской области (в 1937 – первой половине 1938 гг. – 57% от общего количества осуждённых, в 1937 г. и в первой половине 1938 г. – соответственно 56% и 60%). В отношении бывших кулаков чаще применялись высшая мера наказания и заключение в ИТЛ до 10 лет: в 1937 – первой половине 1938 гг. – соответственно 58% и 61%, в 1937 г. – 55% и 62%, в первой половине 1938 г. – 68% и 55%.

Массовым и наиболее доступным для исследователей источником по истории политических репрессий, наравне с данными Книг Памяти жертв политических репрессий, являются следственные дела арестованных, которые уже начали вовлекаться в научный оборот⁹. Как показывает их изучение, эти дела несут уникаль-

⁸ Юнге М., Биннер Р. Указ. соч. – С. 128; От ЧК до ФСБ... Листы-вкладыши.

⁹ Белоконов С.И. Следственные дела ЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ как исторический источник // Тоталитаризм в России (СССР), 1917–1991: Оппозиция и репрессии. Матер. научно-практ. конф. – Пермь, 1998. – С. 38–42; Китров И.А. Следственное дело Смоленской террористической группы Объединённого бюро П. С.-Р., 1937–1938 гг. (уголовно-процессуальный аспект) // Сталинизм в российской провинции... – С. 264–276; Виноградова Е.Ю. Судьбы крестьянства в документах следственных дел // Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области. Мартиролог 1937–1938. –

ную информацию о «Большом терроре»: о судьбах людей, подвергшихся репрессиям и лишённых жизни, о механизмах ведения следствия и их соответствии условиям приказа № 00447; о складывании общественных и личных отношений между людьми.

Вместе с тем при введении следственных дел в научный оборот возникает вопрос, насколько мы можем доверять им при изучении столь важной и сложной темы, как репрессивная политика советского государства в отношении различных групп населения в ходе «Большого террора». Многие источники советского периода обоснованно критикуются как подвергавшиеся произвольной коррекции в момент их создания (статистика, плановые и отчётные материалы различных органов и организаций, воспоминания и др.). Учитывая методы ведения следствия, а также количественные показатели подлежащих репрессии, определяемые в приказе № 00447, вполне можно предположить, что материалы следственных дел являются не просто субъективизированными, как и любой другой письменный источник, но вполне могли подвергаться преднамеренной фальсификации, в силу чего они не заслуживают доверия и внимания исследователей. Для определения репрезентативности следственных дел их необходимо подвергнуть тщательному изучению. Как и любой источник, следственные дела нужно рассматривать с позиций внутренней и внешней критики. Такой подход будет способствовать извлечению более объективной информации о самом источнике и о жестоком времени 1937–1938 гг.

Практически все изученные следственные дела сохранили первоначальный внешний вид. Единого подхода в обозначении дел на обложках не прослеживается, видимо, это не требовалось правилами делопроизводства того времени. Встречаются следующие заголовки: Дело № ... по обвинению ... по статье ...; Дело № ... по обвинению ... в контрреволюционной деятельности (с указанием районного отдела); Дело № ... по обвинению ... (с указанием места рождения и проживания); Дело № ... на бывшего кулака ... (слово «бывшего» дописано карандашом); Дело № ... по обвинению гражданина ...¹⁰ Видимо, каждый следователь опирался на свой собственный опыт оформления следственных дел, никаких установок в приказе на этот счёт не существовало. На обложках большинства дел фиксируется время начала и окончания ведения следствия. В приказе № 00447 в разделе «Порядок ведения следствия» отмечается, что следствие необходимо проводить в ускоренном порядке¹¹. Изученные нами материалы свидетельствуют о том, что в Калининской области длительность следствия по делам бывших кулаков существенно различалась: от 3 дней до 2 месяцев, в среднем оно занимало от 1,5 до 2 недель. Сроки, указанные на обложках, зачастую не совпадают с датировкой документов, входящих в состав дел. Несовпадение конечных дат объясняется тем, что выписки из протоколов тройки УНКВД о вынесении приговоров и выписки из актов о приведении приговоров в исполнение подшивались к делу позднее и потому не включались в опись и датировку на обложке. Несовпадение в ряде случаев начальных дат, указанных на обложках дел, с датами первых документов, входящих в их состав, можно объяснить либо невнимательностью следователей, либо спеш-

Тверь, 2000. – С. 563–574.

¹⁰ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). – Ф. 7849. – Д. 21729-с, 24070-с, 6035-с, 21539-с и др.

¹¹ Юнге М, Биннер Р. Указ. соч. – С. 91.

кой, имевшей место в ходе следствия и оформления дел, результатом которой также являлась хаотичность расположения (не в хронологической последовательности) документов в некоторых делах¹². Не на всех титулах есть даты начала и окончания следствия. В таких случаях хронология определяется по датам документов, входящих в дело.

На передачу дела обвиняемого на рассмотрение тройки УНКВД, вынесение приговора и приведение его в исполнение уходило от 4 дней до 2 недель, в большинстве случаев около 2 недель.¹³ На приведение приговора в исполнение – от 2 до 5 дней. При этом практически невозможно выявить какую-либо закономерность продолжительности следствия, быстроты вынесения приговора и приведения его в исполнение в зависимости от этапа осуществления операции в целом. Вместе с тем можно отметить, что с конца декабря 1937 г. ход следствия несколько убыстряется.

Объём материалов изученных следственных дел различен, но в основном колеблется в пределах от полутора до двух десятков листов, реже – 40–60 и более листов. Таким образом, очевидно, что глубокого следствия не было, всё совершалось быстро, как и было запланировано. Следствие производилось ускоренно и в упрощённом порядке. В соответствии с приказом № 00447 к делу должны были приобщаться ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учётный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение. Документы об исполнении приговора должны были приобщаться в отдельном конверте к следственному делу каждого осуждённого¹⁴.

Следственные дела начинаются с описей документов, входящих в них. Описи составлялись следователями, ведущими дела, либо одним из следователей по делу. Документальный состав следственных дел достаточно однообразен, за небольшим исключением. Как правило, следственные дела состоят из следующих документов: ордера на арест обвиняемого, протокола обыска, произведённого у обвиняемого, анкеты арестованного, характеристики на подследственного (обвиняемого), протокола допроса подследственного (обвиняемого), протоколов допросов свидетелей (зачастую трёх), обвинительного заключения, выписки из протокола тройки УНКВД Калининской области, выписки из акта о приведении наказания в исполнение, – в целом около 11 документов, как и требовалось в приказе. Вместе с тем в следственных делах встречаются и другие документы: справки районных исполнительных комитетов (РИКов) или сельсоветов о социальном положении обвиняемых, выписки из протоколов заседаний РИКов об исключении хозяйств из списков зажиточной части деревни, справки районных отделов или выписки о имеющихся судимостях, справки о состоянии здоровья обвиняемых, их семейном положении, об отбытии ими срока предыдущего наказания, о выполняемых работах, заявления обвиняемых, справки об имущественном положении обвиняемых, выписки из протоколов заседаний тройки ОГПУ по предшествующим обвинениям, постановления о принятии дел к рассмотрению, постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, протоколы об отказе от дачи показаний обвиняемыми, протоколы об объявлении окончания расследования. Некото-

¹² ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 21541-с, 21729-с, 25657-с, 23019-с.

¹³ Вычислено на основании изучения 50 следственных дел.

¹⁴ См.: Юнге М., Биннер Р. Указ. соч. – С. 91–92.

рые из перечисленных документов, которые в основном встречаются в делах, начатых в начале – середине июля 1937 г., позволяют увидеть разницу протекание следствия до издания приказа № 00447 и после него. В описях встречаются исправления. Так, в опись одного из следственных дел после её составления было внесено дополнение в позицию под № 8 – агентурное донесение на обвиняемого на одном листе, которое в деле отсутствует. В другом следственном деле за описью документов следует полутитульный лист «Материалы учётных данных (агентурные донесения, заявления, справки сельсоветов, протоколы допросов свидетелей и прочее)». В данном деле в наличии все виды перечисленных документов, за исключением агентурных донесений. Видимо, агентурные донесения могли быть изъяты из этих дел при их рассекречивании в момент передачи в ТЦДНИ¹⁵.

Вместе с тем есть следственные дела, которые по составу документов очень сильно отличаются от основной их массы. В качестве примера можно привести следственное дело по обвинению Козлова Ивана Дементьевича, которое велось в течение одного месяца, с 28 ноября по 27 декабря 1937 г.¹⁶ В его составе 31 документ, в том числе 9 протоколов допросов свидетелей, некоторых из них допрашивали по два раза, а также целый комплекс разнообразных справок (от Оленинской МТС, Озерецкого мясокомбината), квитанций, сообщений и других документов, содержащих свидетельства о различных сторонах жизни обвиняемого.

В качестве ещё одного примера можно привести следственное дело брата И.Д. Козлова – Козлова Петра Дементьевича. Оно состоит из 40 документов, из которых 12 имеют непосредственное отношение к следствию 1937 г., а 38 документов – к периоду с июля 1954 г. по июнь 1998 г.: заявление А.П. Поляковой (дочери обвиняемого), протоколы допросов свидетелей (в том числе и повторные, составленные через много лет), различные справки, копия свидетельства о смерти и др. Вторая часть документов данного следственного дела сложилась в связи с заявлением А.П. Поляковой и М.П. Козлова (детей П.Д. Козлова) на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова от 09.05.54 г., в котором они выражали просьбу пересмотреть дело их отца и дать ему возможность приехать к ним на жительство. Они не знали, что он был приговорён в 1937 г. к высшей мере наказания¹⁷.

Отличается от других и следственное дело Табакова Александра Антоновича, которое начинается с документов 1934–1935 гг., связанных с убийством колхозного активиста Ф.Н. Ширяева, по которому Табаков привлекался в качестве одного из обвиняемых. Его вина не была доказана, из-под стражи он был освобождён, дело было прекращено и сдано в архив в 1935 г.¹⁸ Однако некоторые материалы этого расследования появляются в следственном деле А.А. Табакова периода «Большого террора». Документы 1934–1935 гг. и 1937 г. располагаются в неправильной хронологической последовательности. Из материалов 1935 г. представлены протоколы допросов свидетелей, а также 2 донесения под псевдонимами «Маслénка» и «Соловьёв», в которых имеются показания о причастности А.А. Табакова к убийству Ф.Н. Ширяева и о его контрреволюционных настрояниях¹⁹.

Информативные возможности конкретных документов дают возможность

¹⁵ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 20381-с., см.: Опись; Д. 21502-с. – Л. 1а.

¹⁶ Там же. – Д. 24070-с.

¹⁷ Там же. – Д. 6035-с.

¹⁸ Там же. – Д. 5248-с.

¹⁹ Там же. – Д. 20519-с.

рассмотреть ход следствия. Как правило, первым документом следственных дел является ордер на обыск и арест, который оформлялся на специальном бланке, но при его заполнении строгих правил не придерживались. В ордере указывались его номер, дата выдачи, информация о том, какому сотруднику УНКВД по Калининской области или УМВД по Калининской области он был выдан, имя гражданина, подлежащего обыску и аресту, его адрес. На бланке ордера имеется примечание, в котором говорилось о том, что все должностные лица и граждане обязаны оказывать обладателю ордера полное содействие. Ордер предъявлялся обвиняемому, который после ознакомления с ним должен был расписаться на нём. Иногда на ордере указывался срок его действия (одни сутки) и обозначалось, в каких целях он был выдан (например, на предмет обнаружения огнестрельного оружия), указывалась также дата производства следственного действия, что позволяет определить, допускались ли нарушения процессуальных норм при осуществлении обыска или ареста²⁰.

Анализ ордеров показывает, что подобные нарушения допускались. Так, например, ордер на обыск и арест Абакшина Василия Васильевича был выдан 18.12.37 г. сроком на одни сутки, а произведён обыск был лишь 24.12.37 г. В ордере указаны понятия, и записано, что при обыске ничего не было обнаружено. При предъявлении ордера и после ознакомления с ним за неграмотного В.В. Абакшина расписался его сын. Остаётся неизвестным, вызвал ли просроченный ордер возражения со стороны обвиняемого и его родственников, или они не обратили на это никакого внимания, полностью подчиняясь государственной бумаге²¹. В ордере на обыск и арест А.А. Железнова было внесено неизвестно кем исправление даты осуществления обыска и ареста: 5 октября переправлено на 6 октября 1937 г.²²

Ещё один пример, гораздо более разительный. В следственном деле Александра Василия Глебовича в ордере, выданном 5 августа 1937 г. сотруднику УНКВД СССР по Калининской области, допущена ошибка: «... на производство обыска в жилых и холодных стройках и независимо от результата подлежит аресту гр-н Глебов Василий Александрович». В ордере указывается адрес, по которому следует произвести обыск и арест. На обороте листа значится «Ордер мне предъявлен 5.VIII-37» и стоит подпись В. Александра²³. По сведениям, указанным в анкете, у арестованного В.Г. Александра было «низшее» образование. В силу его малограмотности вполне возможно, что ордер был ему не предъявлен, а объявлен, как это и значится в документе, поэтому он вполне мог и не увидеть, что ордер выписан на обыск и арест В.А. Глебова, а не В.Г. Александра. Такая неточность и то, что в ордер не были внесены соответствующие исправления свидетельствуют, с одной стороны, о спешке в работе органов, с другой, о том, что они практически ничего не опасались, так как были уверены, что проверки не будет. Ошибки в данном деле на этом не закончились. Комиссар оперотдела, заполняя протокол обыска, осуществлённого 5 августа 1937 г., продолжил допускать ошибки: в частности он пишет, что обыск произведён у гражданина Глепова Василия Александровича (не Глебова и не Александра), а в протоколе указывается адрес В.Г. Александра – колхоз «Новая жизнь». Понятым при обыске присутствовал

²⁰ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 24186-с.

²¹ Там же. – Л. 1, 2.

²² Там же. – Ф. 7849. – Д. 20381-с. – Л. 1.

²³ Там же. – Д. 22803-с. – Л. 1.

житель того же колхоза В.И. Тушкин. В протоколе отмечается, что в ходе обыска задержан гражданин В.А. Глепов, что при обыске у него было изъято 6 писем и 8 фотографий (в деле ничего из изъятого обнаружено не было) и что при обыске жалоб не было высказано²⁴. И только в анкете арестованного появляется исправление фамилии Глебов на фамилию Александров. В этой же анкете в графе «социальное происхождение» «средняк» исправлено на «кулак». В конце анкеты имеется заверение исправлений, но не фиксируется каких и сколько²⁵.

Стоит отметить, что не на всех ордерах имеются подписи арестованных о том, что ордера были им предъявлены. Материалы следственных дел показывают, что в одних случаях результаты обыска фиксировались в ордере и протокол обыска и ареста не велся, в других – велся протокол. Из протоколов обыска и ареста видно, что при обыске и аресте достаточно часто присутствовали представители власти (председатель сельсовета, секретарь сельсовета, председатель колхоза, член сельсовета), они же нередко выступали свидетелями по делу. Как правило, в протоколах обыска отмечалось, что при обыске ничего не обнаружено и жалоб нет. Вместе с тем встречаются протоколы обыска, в которых перечисляются изъятые при обыске предметы: письма, книги, некоторые документы. В делах даже имеются конверты, в которых, видимо, эти вещи хранились, но в настоящее время они в большинстве случаев отсутствуют²⁶. В некоторых конвертах имеются отдельные документы. Так, в конверте в деле В.А. Забелина хранятся различные справки, переписка В.А. Забелина с М.С. Зеленцовым 1934 и 1937 гг. по вопросу о возможности его устройства на работу в Ленинграде, документы 1940 г., связанные с ходатайством жены В.А. Забелина о протесте на решение тройки УНКВД Калининской области по делу её мужа, переписка 1-го Спецотдела УНКВД Калининской области с 1-ым Спецотделом НКВД СССР по делу В.А. Забелина. Жене В.А. Забелина в её ходатайстве в 1940 г. было отказано²⁷.

Таким образом, требования о производстве обыска выполнялись. Вместе с тем в приказе отмечалась обязательность изъятия оружия, боеприпасов, военного снаряжения, взрывчатых, отравляющих и ядовитых веществ, контрреволюционной литературы, драгоценных металлов в монетах, слитках и изделиях, иностранной валюты, множительных приборов и переписки²⁸. Ничего из перечисленного, за исключением переписки и некоторых документов, не указанных в приказе, при обысках не обнаруживалось, и это фиксируется в ордерах и протоколах обысков изученных следственных дел.

Чрезвычайно информативным источником является анкета арестованного, сохранившаяся в большинстве случаев в следственных делах. С одной стороны, анкета свидетельствует о том, какие именно вопросы о жизни арестованных более всего интересовали власть. С другой стороны, содержание ответов на эти вопросы показывает, кого власть считала своим врагом. Кроме того, имеется возможность сравнить ответы арестованных с определениями контингентов, подлежащих репрессии, данными в приказе № 00447. В частности, в соответствии с приказом репрессии подлежали бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжавшие вести активную антисоветскую подрывную деятельность, а также бе-

²⁴ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 22803-с. – Л. 2.

²⁵ Там же. – Л. 3.

²⁶ Там же. – Ф. 7849. – Д. 21588-с., 20453-с, 22512-с, 21157-с.

²⁷ Там же. – Д. 21302-с. – Л. 18.

²⁸ См.: Юнге М., Биннер Р. Указ. соч. – С.90.

жавшие из лагерей или трудпосёлков, скрывавшиеся от раскулачивания, ведущие антисоветскую деятельность, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях²⁹. Вопросы анкеты были направлены на получение об арестованном сведений о профессии, служебном и имущественном положении на момент ареста, а также до 1929 г. (т. е. до начала массовой коллективизации сельского хозяйства), социальном происхождении и социальном положении в момент ареста, службе в царской, белой и Красной армиях, национальности, гражданстве, партийности, образовании, наличии судимости и характере наказания, состоянии здоровья и составе семьи.

На основе анализа анкет можно выделить некоторые общие черты, характерные для многих арестованных. На вопрос о месте работы арестованные чаще всего отвечали – «в колхозе», «временная работа в колхозе», реже ими назывались другие места, например, «железнодорожная станция». Самая распространённая из называемых профессий – крестьянин-хлебопашец; единично упоминаются булочник-бараночник, плотник, фельдшер, кузнец, хлебороб.

Данные изученных анкет показывают, что до 1929 г. арестованные имели по преимуществу крепкое хозяйство с хорошим домом, надворными постройками, рабочим и продуктивным скотом, были хорошо обеспечены землёй, сельскохозяйственным инвентарём, а нередко и сельскохозяйственными машинами. Иные владели небольшими предприятиями для переработки сельскохозяйственной продукции с наёмной рабочей силой. После раскулачивания у них оставалась очень незначительная часть прежнего хозяйства: дом, двор, корова или лошадь, сад. У некоторых арестантов хозяйство ликвидировалось полностью, т. е. с экономической точки зрения они не представляли угрозы для государства, так как ничем не отличались от других селян.

На вопрос анкеты о социальном положении на 1937 г. даются различные ответы: «колхозник», «раскулаченный кулак», «кулак», «кулак-торговец-спекулянт», «хозяйство ликвидировано», «ничего нет», из «крестьян-кулаков», «рабочий» и т. д. Ответы арестованных свидетельствуют о том, что в народе не было чёткого представления об определении социального положения, об этом также говорят и ответы свидетелей на анкетные вопросы протоколов.

Аналогичная ситуация складывалась с определением социального происхождения. Арестованные характеризовали его следующим образом: «из крестьян», «крестьянин-кустарь», «раскулаченный кулак», «всё имущество было изъято в 1930 г.», «с семьёй выслан на Урал, оттуда бежал, семья возвращена обратно». Таким образом, для арестованных графа «социальное положение в момент ареста» перекликалась с графой «социальное происхождение», и они давали на эти вопросы идентичные ответы.

Большинство арестованных служили в царской армии, их служба приходилась на период Первой мировой войны, некоторые служили в Красной армии в период Гражданской войны рядовыми или специалистами (фельдшер), что, однако, не спасло их от преследования властью. Арестованные в основном были малограмотными (от 1 до 5 классов сельской школы), некоторые – неграмотными.

Как показывают изученные анкеты, все арестованные подвергались арестам первый раз в период с 1929 по 1934 гг., были судимы тройкой ОГПУ по ст. 58 п. 10–11 и по ст. 107 УК РСФСР за контрреволюционную деятельность и агита-

²⁹ См.: Юнге М., Биннер Р. Указ. соч. – С. 85.

цию против советской власти, они получали срок наказания от 3 до 5 лет ИТЛ и подвергались высылке в Архангельск, Северный край, Казахстан, отдалённые края СССР³⁰. Некоторые обвиняемые подвергались арестам с конца 1920-х до 1937 г. неоднократно. В качестве примера можно привести Н.П. Кабанова, которого арестовывали 5 раз: в 1919, 1923, 1929, 1934 и 1935 гг. При этом наказания 1929 и 1934 г. позже были отменены³¹. В некоторых анкетах отмечается, что срок отбывался не полностью из-за плохого здоровья либо сокращался за хорошую работу.

В 1937–1938 гг. арестовывались люди различных возрастов. Как свидетельствуют изученные анкетные данные, арестованные в возрасте от 30 до 50 лет составляли 33%, от 50 до 60 лет – 29%, от 60 лет и старше – 38%. Таким образом, доля людей старше 60 лет, находившихся в неработоспособном возрасте, была значительной. Большинство арестованных крестьян считали себя здоровыми людьми, они имели семьи и от 2 до 6 детей разного возраста (от одного месяца до 40 лет). В некоторых следственных делах встречаются справки о состоянии здоровья арестованных. В отдельных случаях экспертиза, видимо, была достаточно объективной в плане освидетельствования состояния здоровья. Так, арестованный В.К. Аболихин (61 год), по его собственным показаниям, считал себя вполне здоровым, в то время как проведённый медицинский осмотр выявил у него ряд заболеваний: ограничение движения в правом локтевом суставе, хроническое воспаление мышц сердца, в силу чего он был способен только к лёгкому физическому труду. Зато в другом случае, несмотря на боли в области сердца, которые квалифицировались как миокардиопатия, делалось медицинское заключение о годности арестованного к физическому труду без ограничений³².

Практически во всех следственных делах имеются характеристики сельсоветов на граждан, подвергшихся аресту, с описанием экономического состояния хозяйств на момент раскулачивания. В них также сообщается о наказаниях, которым арестованные и их семьи подвергались в первой половине 1930-х гг. Имеются также характеристики действий арестованных после возвращения из мест лишения свободы. При этом всячески подчёркивалось, что люди не исправились и продолжают занимать прежнюю позицию по отношению к советской власти³³.

Вместо отсутствующих характеристик арестованных в следственных делах имеются справки сельсоветов и районных исполнительных комитетов об их имущественном положении и предшествующих арестах, которые, по сути, выполняют функции характеристик и по содержанию напоминают их. Таким образом, органы власти предоставляли следственным органам информацию, которая в тех условиях вполне могла послужить основанием для повторного ареста. Некоторые документы следственных дел косвенно это подтверждают. В следственном деле Н.И. Габлина имеется постановление о начале следственного дела, основанием для которого, как отмечается, послужил имеющийся на Н.И. Габлина материал о ведущейся им антисоветской деятельности. Такой материал можно было почерпнуть из характеристик и справок сельсоветов и РИКов, доносов, допросов свидетелей, предшествующих допросам обвиняемых.

Иногда в следственных делах встречаются заявления обвиняемых с просьбой

³⁰ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 13116-с, 20958-с, 4191-с.

³¹ Там же. – Д. 21739-с. – Л. 4.

³² Там же. – Д. 21729-с. – Л. 4; Д. 25656-с. – Л. 4.

³³ Там же. – Д. 22324-с. – Л. 6; Д. 21541-с. – Л. 4; Д. 22803-с. – Л. 4; Д. 21539-с. – Л. 4; Д. 21729-с. – Л. 5; Д. 20441-с. – Л. 5; Д. 25629-с. – Л. 5; Д. 17714. – Л. 5 и др.

опросить конкретных людей, которые могли положительно охарактеризовать их. В частности В.Г. Александров просил допросить председателя колхоза «Новая жизнь» С.С. Туманова и бригадира Р. Лебедева, которые тем не менее не были привлечены к следствию³⁴. Н.И. Габлин также просил допросить по его делу председателя и бригадира колхоза «Крестьянин». Допросы этих свидетелей были произведены, но они подтвердили, что Н.И. Габлин проводил антисоветскую агитацию³⁵. Очевидно, что обвиняемые пытались привлечь в свою защиту наиболее авторитетных для власти людей.

Важной составной частью следственных дел являются протоколы допросов обвиняемых. Можно утверждать, что допросы велись спокойно, в корректной форме, следователи (служащие органов госбезопасности) обращались к обвиняемым на «вы». Но при этом вопросы, которые задавались обвиняемым, могли оказывать на них очень сильное психологическое давление, так как фактически это были вопросы-утверждения: «Вы обвиняетесь в антисоветской агитации, в распространении провокационных слухов, направленных на срыв мероприятий партии и правительства ...»; «следствию известно, что Вы вели разлагательную работу»; «из свидетельских показаний известно, что Вы ...»; «зачитываю выдержку из свидетельских показаний о Вашей контрреволюционной агитации...» и т. д. Допросы обвиняемых, видимо, продолжались 30-40 минут. В некоторых протоколах указывается время начала и окончания допросов: 20 час.35 мин – 21 час.05 мин., 11 час. 30 мин. – 12 час. 00 мин.³⁶ Никаких угроз обвиняемым со стороны следователей в изученных протоколах не прослеживается. Можно привести наиболее жесткие высказывания следователей в адрес обвиняемых по протоколам допросов. При допросе В.Г. Александрова следователем было заявлено, что обвиняемый даёт ложные показания, в то время как следствие требует правдивых³⁷. Допрашивая С.П. Цапурина следователь заявил: «Следствие располагает достаточными данными о вашей антисоветской деятельности, требую правдивых показаний о вашей антисоветской агитации»³⁸.

В целом язык протоколов допросов обвиняемых свидетельствует о том, что в них зафиксирована устная речь конкретных людей с присущими ей нюансами, специфическими оборотами, речевыми ошибками. Практически во всех протоколах допросов обвиняемых фиксируется непризнание ими вины³⁹. Как правило, обвиняемые подписывали протоколы допросов на каждой странице. Но встречаются случаи, когда они от этого отказывались, видимо, опасаясь, что протоколы могут не соответствовать действительности. Так, например, Н.И. Габлин отказался подписать предъявленное ему постановление об избрании меры пресечения, протокол допроса, акт, фиксирующий отказ обвиняемого подписать протокол допроса, но подписал ордер на производство обыска и ареста, протокол обыска, анкету арестованного⁴⁰. Отказы обвиняемых подписывать документы фиксировались соответ-

³⁴ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 22803-с. – Л. 7.

³⁵ Там же. – Д. 21588-с. – Л. 20, 22.

³⁶ Там же. – Д. 21539-с. – Л. 6, 8; Д. 22803-с. – Л. 9; Д. 22632-с. – Л. 8; Д. 24183-с. – Л. 7; Д. 20446-с. – Л. 6; Д. 21505-с. – Л. 9; Д. 24204-с. – Л. 8.

³⁷ Там же. – Д. 22803-с. – Л. 9.

³⁸ Там же. – Д. 21563-с. – Л. 5.

³⁹ Там же. – Д. 21329-с. – Л. 7; Д. 23013-с. – Л. 8; Д. 21995-с. – Л. 10; Д. 24733-с. – Л. 9; Д. 20430-с. – Л. 10; Д. 25633-с. – Л. 8.

⁴⁰ Там же. – Ф. 7849. – Д. 21588-с. – Л. 2-5, 9, 11.

ствующим образом (в конце протокола допроса, в специальном протоколе или акте) и заверялись подписями следователей, осуществлявших допрос, и некоторых других официальных лиц⁴¹. Создаётся впечатление, что перед следователями и не стояла задача получить обвинительные признания подследственных. Об этом ничего не говорится и в приказе № 00447.

Встречаются случаи, когда обвиняемых допрашивали дважды⁴². Повторные допросы обвиняемых осуществлялись, в частности, когда аресты и первые допросы прошли до начала операции, в соответствии с приказом № 00447. Таким образом, часть дел, которые находились в производстве с конца июля 1937 г., органы госбезопасности пустили потом в ход уже в рамках новой кампании, проведя дополнительные допросы после 5 августа 1937 г. Иногда это делалось в упрощённом порядке, как в случае с И.И. Абрамовым. Первый допрос обвиняемого был произведён 28.07.37 г., позже на обороте последнего листа протокола допроса было зафиксировано несколько дополнительных вопросов к обвиняемому и записаны показания И.И. Абрамова о том, что никакой вины за собой он не признаёт, и стоит подпись другого сотрудника – начальника Емельяновского РО УНКВД Калининской области⁴³. Иногда в таких случаях вместо дополнительных допросов в документах встречаются два обвинительных заключения. В качестве примера можно привести следственное дело Н.И. Габлина, начатое 17 июля 1937 г. Обвинительное заключение было составлено 31 июля 1937 г., после чего следственное дело Н.И. Габлина было направлено в 4-й отдел УГБ УНКВД по Калининской области «для заключения и передачи по подсудности». 13 сентября 1937 г. было составлено второе обвинительное заключение, по которому следственное дело Н.И. Габлина было направлено на рассмотрение тройки УНКВД по Калининской области. 20 сентября 1937 г. тройкой было принято решение расстрелять Н.И. Габлина⁴⁴.

В протоколах допросов обвиняемых встречаются случаи, когда обвиняемые не только всё отрицают и отказываются подписывать документы, но и пытаются объяснить свою позицию, которую, по их мнению, свидетели неправильно поняли. Так, А.А. Табаков, обвинявшийся в пораженческих настроениях, на допросе пояснял, что он часто читал газеты, которые вывешивались рядом с колхозной конторой, и вёл разговоры о войне в присутствии некоторых колхозников, которым объяснял, что если на Советский Союз нападёт одна Германия, то победа Советского Союза будет обеспечена, а если на него нападёт ряд капиталистических стран, то СССР потерпит поражение. Таким образом, он не считал свои настроения пораженческими и продолжал их отстаивать⁴⁵. Обвиняемый С.П. Цапурин отвечал следователю, что в одном из разговоров он действительно сказал: «... Говорят, на Украине не стали пахать и сеять, и там будто бы умерло с голода несколько миллионов человек, так надо бы работать – и больше я ничего по этому вопросу не говорил, и в этом, я считаю, ничего антисоветского нет». С.П. Цапурин чётко проговаривал слова, которые ему зачитывал следователь из свидетельских показаний, и отказывался от них: «... антисоветского высказывания с моей стороны со словами – хотя бы скорее была бы война и т. д. – я не говорил, и это не признаю», «я

⁴¹ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 20519-с. – Л. 32; Д. 21562-с. – Л. 11; Д. 21506-с. – Л. 15; Д. 25604-с. – Л. 13; Д. 20291-с. – Л. 19; Д. 21679-с. – Л. 23.

⁴² Там же. – Д. 21539-с.

⁴³ Там же. – Д. 22907-с. – Л. 16, 18; Д. 21541-с. – Л. 8.

⁴⁴ Там же. – Д. 21588-с. – Л. 24, 26, 27.

⁴⁵ Там же. – Д. 20519-с. – Л. 30.

никогда не говорил слов о том, что в колхозе замучали на работе, всё берут в государство и т. д.»⁴⁶ Н.Г. Харчевников так пояснял свою позицию: «С бывшими кулаками в редких случаях встречался. Разговоры вели на разные темы: о хозяйстве, о колхозном строе, были разговоры и о трудностях жизни, – но это я вёл исключительно в кругу своих людей, не вынося эти разговоры в массу колхозников». И лишь в конце допроса Н.Г. Харчевников частично согласился с предъявляемым ему обвинением – целенаправленным сбором серебряной монеты советского образца (около 1 пуда): «Да, сейчас сознаюсь, что, собирая серебряную валюту, я подрывал мощь СССР и нарушал вращение денег». Следствием это рассматривалось как частичное признание вины⁴⁷.

В тех случаях, когда первый вопрос следователя к обвиняемому ставился обобщённо («расскажите, чем вы занимались до революции, за что вы были раскулачены и высланы в 1931 г., как жили после возвращения из ссылки?»), в протоколах допросов встречаются достаточно подробные ответы о жизни арестованных и их семей в первые двадцать лет советской власти. Видно, как особенно сильно менялась их жизнь после раскулачивания и высылки, как полностью нарушался традиционный жизненный уклад, люди теряли практически все привычные доходы⁴⁸. Некоторые семьи разваливались из-за ареста главы семейства, имели место разводы, детей отдавали родственникам; другие, наоборот, держались вместе, глава семьи после отбытия наказания и возвращения, как правило, для поддержки семьи искал заработки на стороне, там, где его мало знали или не знали вообще – в других селениях и городах, одновременно желая скрыться от властей. В целом из протоколов допросов обвиняемых видно, что люди держались достойно. В протоколах также встречается информация о взаимоотношениях между знакомыми, односельчанами. Так, Н.П. Кабанов, рассказывая на допросе об аресте в 1919 г. за скупку краденой мануфактуры, отмечает, что был освобождён благодаря знакомству с работником местной ЧК из деревни Мышкино⁴⁹.

Следующую группу документов следственных дел составляют протоколы допросов свидетелей, в качестве которых, как правило, выступали крестьяне-середняки, а также активисты советской и колхозной работы, в основном все беспартийные. Перечислим их должности и занятия: колхозники, председатели колхозов, председатели сельсоветов, члены правлений колхозов, бригадиры, зав. складами, кладовщики, счетоводы колхозов, избачи, заведующие различными районными отделами, начальник пожарной охраны посёлка, сапожник, каменщик. В качестве свидетелей привлекались и те, кто лично был связан с обвиняемыми в прошлые годы, например работали в их хозяйствах, могли иметь различного рода обиды на них. Некоторые свидетели выступали сразу по нескольким делам, при этом в один день их могли подвергать допросам неоднократно. Так было со свидетелем по делу А.Ф. Двоешкина, который одновременно являлся свидетелем по делу П.С. Птичкина, при этом информация из его показаний по делу П.С. Птичкина использовалась против А.Ф. Двоешкина⁵⁰.

Практически всем свидетелям следователи задавали одинаковые вопросы, допуская лишь незначительные вариации в их формулировке: «Что вам известно о

⁴⁶ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 21563-с. – Л. 5, 6.

⁴⁷ Там же. – Д. 21502-с. – Л. 12–14.

⁴⁸ Там же. – Д. 21302-с. – Л. 5.

⁴⁹ Там же. – Д. 21739-с. – Л. 6.

⁵⁰ Там же. – Д. 21263-с. – Л. 10, 14.

социальном происхождении обвиняемого и чем он занимается в настоящее время»; «Ведёт ли обвиняемый контрреволюционную агитацию среди колхозников»; «Знаете ли обвиняемого и какие у вас с ним взаимоотношения»; «Какие факты контрреволюционной и антисоветской деятельности со стороны обвиняемого вам известны»; «Кто может подтвердить факты антисоветской деятельности обвиняемого, о которых вы говорили». На эти определённой направленности вопросы свидетельствующие по делу давали соответствующие конкретные ответы. Они зачастую в мельчайших подробностях давали экономические характеристики хозяйств обвиняемых. В качестве вины арестованным вменяли следующее: настроения против советской власти и партии, недовольство колхозным строем, призывы не принимать участие в выборах, неучастие в общих собраниях, спекуляция, агитация против выполнения государственных обязательств, антизаймовая агитация, угрозы в адрес работников советов, поддержка церкви, попытки вернуть прежнюю собственность (дом, сад, хозяйство), восхваление политики Троцкого, антисталинские и пораженческие настроения, спаивание представителей местной власти, участие в антисоветских выступлениях в первые годы советской власти (например, «в савинковском кулацко-эсеровском восстании 1918 г. в Чамеровской волости Вёсегонского уезда) и т. д.⁵¹ Одному из обвиняемых вменялась скрытость поведения, замкнутость, необщительность, стремление на людях показать себя лучше, чем есть на самом деле, т. е. ведение скрытой антисоветской агитации⁵².

Некоторые свидетели давали не только обвинительные показания против подсудимых, но и называли тех, кто может подтвердить их слова. В частности свидетель по делу Н.И. Габлина сказал, что антисоветские высказывания Н.И. Габлина слышали помимо него ещё несколько колхозников, но он помнит только К.Ф. Брызгина, который через несколько дней также был привлечён к следствию в качестве свидетеля по делу Н.И. Габлина⁵³.

Не все свидетели давали обвинительные показания, и это нашло отражение в протоколах их допросов. Так, В.П. Юрасов, работавший плотником в Лихославле, на вопрос, какие ему известны факты контрреволюционной и антисоветской деятельности Аболихина, ответил, что ему такие факты неизвестны, что ему никто и ничего об этом не говорил, хотя с 1933 по 1936 г. он работал председателем колхоза. Он также подтвердил, что не является родственником Аболихина, т. е. не намерен его защищать без причины⁵⁴. Аналогично, хотя и более осторожно, вёл себя на следствии колхозник колхоза «Крестьянин» К.Ф. Брызгин, выступавший свидетелем по делу Н.И. Габлина. Он сказал, что никогда не слышал антисоветских высказываний со стороны обвиняемого, хотя тот на такие высказывания и способен. В некоторых показаниях свидетелей прослеживается попытка представить высказывания обвиняемых не как контрреволюционные, а как непонимание ими сути обсуждаемого вопроса. В частности, бригадир колхоза «Крестьянин» И.С. Габлин, выступавший свидетелем по делу Н.И. Габлина говорил, что, когда была выпущена новая сталинская Конституция, Н.И. Габлин считал, что теперь можно говорить, что хочешь даже против существующего строя. И.С. Габлин пытался разъяснить Н.И. Габлину, что при новой Конституции бдительность должна

⁵¹ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 24186-с. – Л. 10, 13; Д. 21539-с. – Л. 11; Д. 22907-с. – Л. 8; Д. 21588-с. – Л. 20, 22; Д. 21739-с. – Л. 10; Д. 22973-с. – Л. 13; Д. 25655-с. – Л. 17; Д. 25632-с. – Л. 12.

⁵² Там же. – Д. 20381-с. – Л. 5, 7, 9, 11.

⁵³ Там же. – Д. 21588-с. – Л. 13.

⁵⁴ Там же. – Д. 21729-с. – Л. 11.

быть ещё больше, и тех, кто будет выступать против существующего строя, наказывать будут ещё строже⁵⁵. Конечно же, следствие не обращало внимание на такие показания при вынесении решения по делу.

В некоторых случаях, когда свидетелей по одному и тому же делу допрашивал один оперуполномоченный, который сам вёл протокол, можно встретить совершенно одинаковые показания, принадлежавшие разным людям. Так, в следственном деле Баккиса Роберта Ивановича полностью совпадают, вплоть до написания, показания К.Ф. Мотонова и И.М. Климова: «В июле м-це (месяце. – *И.С.*) с.г. (сего года. – *И.С.*) Боккес (вместо Баккис. – *И.С.*) в пос. (посёлке. – *И.С.*) Старая Торопа около столовой СПО (сельское потребительское общество. – *И.С.*) будучи в пьяном виде в к-р (контрреволюционной. – *И.С.*) похабной оскорбительной форме высказывался по адресу вождей ВКП(б) и советского правительства»⁵⁶. Оба свидетеля допрашивались 24 декабря 1937 г., в то время как обвиняемого И.Р. Баккиса допрашивали на следующий день, 25 декабря, при этом оперуполномоченный задавал ему вопросы в формулировках высказываний, зафиксированных в протоколах допросов свидетелей⁵⁷.

Иногда практически полное совпадение текстов показаний свидетелей встречается и тогда, когда их допрашивали разные следователи. Так, в протоколе допроса председателя Дельского сельсовета А.А. Карасова от 29.12.37 г. по делу М.И. Варина значится: «Помню в 1934 г. летом он говорил: “В колхозе заставляют работать день и ночь, там все чувствуют себя подневольными. Всё своё имущество отдали в колхоз и теперь им уже не пользоваться. Всё, что сдано в колхоз, пропадёт прахом”. В марте или апреле сего года говорил: “Раскулачили нас, оставили без средств к существованию. Власть довела до того, что сидим все голодные, даже картошки и то нет”»⁵⁸. В протоколе допроса по делу М.И. Варина председателя колхоза им. Будённого В.С. Дубинина от 30.12.37 г. находим: «Для меня известно, что летом в 1934 г. Варин М.И. говорил: “В колхозе заставляют работать день и ночь, имущество всё отдай в колхоз и больше его не увидишь, в колхозе работают подневольно, в колхозе входить не надо”. В марте или апреле сего года говорил: “Раскулачили нас, оставили без средств к существованию. Власть нас довела до того, что все сидим голодные, а хлеб Советская власть отправляет испанцам”»⁵⁹,

Анализируя данные тексты, вполне можно предположить, что следователи могли заполнять протоколы допросов свидетелей по своему усмотрению либо переписывать показания из одного протокола в другой, пользуясь малограмотностью свидетелей, которые не могли заметить или не обращали внимания на неточности в протоколе. Опираясь на протоколы повторных допросов свидетелей по делам периода «Большого террора», осуществляемых во второй половине 1950-х гг., можно предположить, что были случаи, когда протоколы допросов свидетелей в 1937–1938 гг. заполнялись следователями без их вызова на допрос, хотя подписи свидетелей в протоколах присутствуют⁶⁰. Также можно предположить, что некоторые свидетели, которым по должности (председатели сельсоветов, председатели колхозов, бригадиры и др.) часто приходилось выступать с обвинительными пока-

⁵⁵ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 21588-с. – Л. 17, 22.

⁵⁶ Там же. – Д. 24062-с. – Л. 8, 9.

⁵⁷ Там же. – Л. 6.

⁵⁸ Там же. – Ф. 7849. – Д. 23085-с. – Л. 14.

⁵⁹ Там же. – Л. 16.

⁶⁰ Там же. – Д. 6035-с. – Л. 25, 26.

заниями, могли договариваться друг с другом об их содержании. Некоторые следователи или другие работники органов НКВД, видимо, подвергали протоколы свидетелей корректировке, особенно в тех случаях, когда обвинения в адрес арестованного звучали не очень убедительно. Так, в конце протокола допроса в качестве свидетеля по делу А.А. Железнова председателя сельсовета Г.А. Одинцова позже, другими чернилами, более убористым почерком к словам Г.А. Одинцова была дописано: «... что неоднократно мне самому приходилось слышать». При этом в протоколах допросов ещё двух свидетелей по этом же делу показания против обвиняемого выглядят столь же голословными, как и показания Г.А. Одинцова. А.А. Макурин говорит о А.А. Железнове: «Меня он всегда сторонился, считая доносчиком на него» (следовательно, с А.А. Макуриным А.А. Железнов откровенно не разговаривал), а И.М. Гусев на требование следователя назвать конкретные факты антисоветской агитации со стороны Железнова ответил: «Лично я от Железнова антисоветской агитации не слышал». Вполне возможно, что именно эти обстоятельства подтолкнули следствие к внесению дополнения в протокол допроса свидетеля Г.А. Одинцова, о котором говорилось выше⁶¹. Вместе с тем встречаются протоколы допросов свидетелей, в которых чётко прописано со слов допрашиваемых: «привожу факты»; «могу показать следующие факты антисоветских высказываний обвиняемого» и т. д.⁶²

Однако мы не можем это наблюдение распространить на все протоколы допросов свидетелей. Некоторые следователи подходили к ведению протоколов достаточно тщательно, придерживаясь определённых правил даже в условиях «Большого террора» или создавали видимость этого. Так, в деле по обвинению А.Ф. Двоешкина при допросе свидетеля И.В. Малолеткова следователь допускает в протоколе два исправления и оба заверяет на полях. При этом во втором случае при замене одного слова другим смысл фразы кардинально не менялся⁶³.

В протоколах допросов свидетелей встречаются ошибки, которые свидетельствуют, видимо, о спешке и невнимательности сотрудников органов госбезопасности, которые их вели. Так, из следственного дела Агеева Фёдора Агеевича видно, что ещё до его ареста был допрошен один из свидетелей по будущему делу. В ходе допроса следователь, задавая свидетелю вопрос о фигуранте, путает его фамилию, называя его Ф.А. Агеенковым, Агеенковым называет Агеева и свидетель, что вполне может говорить о том, что свидетель недостаточно хорошо знал человека, о котором давал обвинительные показания⁶⁴.

Достаточно часто встречаются случаи, когда свидетелей допрашивали раньше, чем обвиняемых, используя потом их показания при допросах обвиняемых⁶⁵. Так, четырёх свидетелей по делу А.А. Табакова допрашивали с 25 по 29 августа 1937 г. Допрос всех свидетелей вёлся одним и тем же сотрудником Бежецкого РО НКВД, и показания их очень похожи. Ордер на арест А.А. Табакова был получен 20 сентября 1937 г., а допросы его были осуществлены 24 и 27 сентября 1937 г. — через месяц после допросов свидетелей. При этом материалы допросов свидетелей использовались при допросе обвиняемого. В таких случаях допросы свидетелей

⁶¹ ТЦДНИ. — Ф. 7849. — Д. 20381-с. — Л. 7, 9, 11.

⁶² Там же. — Д. 21563-с. — Л. 8, 10.

⁶³ Там же. — Д. 21263-с. — Л. 10, 11.

⁶⁴ Там же. — Д. 22907-с. — Л. 6.

⁶⁵ Там же. — Д. 21329-с. — Л. 6, 8, 9; Д. 21423-с. — Л. 7, 9; Д. 20372-с. — Л. 6, 10.

фактически выполняли функции доносов⁶⁶. Можно привести ещё пример. В ходе допроса одного из свидетелей следователь использует обращение «товарищ», что встречается крайне редко в следственных документах, самое распространённое обращение в них – «гражданин». Думается, что обращение «товарищ» в данном случае вполне может свидетельствовать о наличии у органов определённых контактов с этим человеком⁶⁷.

Обвинительные заключения очень короткие, в них в сжатой форме группируются сведения компрометирующего характера на обвиняемого из всех документов следственного дела, но чаще всего – из протоколов допросов свидетелей, справок сельсоветов, характеристик обвиняемых, анкет арестованных. Их составляли следователи, которые вёли дела, видимо, именно они выделяли подчёркиванием компрометирующие обвиняемых факты. За редким исключением в обвинительных заключениях констатируется, что обвиняемые своей вины не признают, но она в полной мере доказывается показаниями свидетелей. Иногда допускались ошибки и в обвинительных заключениях. Так, обвинительное заключение по делу С.Е. Евдокимова было датировано 26 августа 1937 г., в то время как допрос одного из свидетелей проходил 27 августа, а допрос обвиняемого – 28 августа 1937 г.⁶⁸ Конечно, это могла быть и ошибка, но это также может свидетельствовать в какой-то мере о том, что иногда обвинительные заключения готовились заранее, до окончания следствия.

По окончании следствия дело передавалось на рассмотрение тройке УНКВД по Калининской области. Выписки из протоколов тройки практически полностью повторяли, хотя и в более сжатой форме, текст обвинительных заключений. Затем следовало постановление. Во всех изученных следственных делах тройка принимала постановление: расстрелять. Исполнения постановлений тройки фиксировались выписками из актов. В ходе работы со следственными делами бывших кулаков встретилось одно дело, в котором отсутствует выписка из акта об исполнении постановления тройки УНКВД по Калининской области⁶⁹.

Итак, анализ следственных дел бывших кулаков показывает, что они являются важным и одним из наиболее доступных источников «Большого террора» в СССР. При работе со следственными делами встречаются свидетельства того, что отдельные документы или их части (в значительной мере протоколы допросов свидетелей) могли корректироваться следователями, которые вели допросы и протоколировали их, либо показания свидетелей могли предварительно режиссироваться. Вместе с тем протоколы допросов свидетелей содержат информацию, в которой следствие не было заинтересовано (факты, не только не подтверждающие вину арестованных, но и в какой-то мере опровергающие её), что вполне может свидетельствовать о фиксировании в протоколах допросов, в том числе и реальных показаний независимых свидетелей. Таким образом, на наш взгляд, нельзя однозначно утверждать, что все следственные дела являются документами, подвергавшимися тотальной корректировке и фальсификации. Они должны вовлекаться в исследовательский процесс при использовании соответствующих методов работы с ними.

⁶⁶ Там же. – Д. 20519-с. – Л. 16–24, 28, 31.

⁶⁷ ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 21502-с. – Л. 1.

⁶⁸ Там же. – Д. 21329-с. – Л. 12.

⁶⁹ Там же. – Д. 21563-с.

Материалы следственных дел бывших кулаков, помимо информации о масштабах «Большого террора», методах ведения следствия против одной из целевых групп приказа № 00447, роли, которую играли местные органы власти в ходе следствия, о восприятии политики власти частью населения, в какой-то мере свидетельствуют о взаимоотношениях внутри крестьянского мира и крестьянской семьи в момент их разрушения. Данные о том, что приходилось пережить крестьянским семьям, как они выживали в трудных ситуациях, можно почерпнуть из протоколов допросов обвиняемых: семьи зажиточных крестьян лишались хозяйства, дома, скарба, средств к существованию; невысланные члены раскулаченных семей либо вступали в колхозы, либо искали заработки в других местностях, стремились скрыться в городах. Так же поступали вернувшиеся из ссылки главы репрессированных семей. В такой ситуации люди могли рассчитывать только на себя и на поддержку родственников и близких. Материалы следственных дел свидетельствуют о том, что некоторые родственники пытались узнать о судьбе дорогих им людей и в конце 1930-х гг., и на рубеже 1950–1960-х гг., а также на рубеже 1980–1990-х гг. Показания свидетелей, несмотря на их тенденциозность (из-за страха подвергнуться аресту, желания свести личные счёты с обвиняемыми) и возможную фальсификацию со стороны следствия, в определённой мере несут информацию о взаимоотношениях в деревне: зажиточные были у всех на виду, отношение к ним в целом было недоброжелательным, хотя и не все свидетели давали обвинительные показания против них; в деревне существовало напряжение, разжигаемое властью.

Вместе с тем необходимо отметить, что информативная насыщенность следственных дел неодинакова. Следственные дела бывших кулаков периода «Большого террора», несмотря на их тенденциозность, субъективизированность, фальсифицированность и информационную ограниченность, являются памятниками культуры своего времени, в силу чего они несут объективную информацию о своём происхождении и о времени, которому принадлежат. Для проверки подлинности информации следственных дел их необходимо использовать в комплексе с другими источниками – официальными документами, статистикой, периодической печатью, материалами личного происхождения.

I.G. Seregina

THE INVESTIGATION DOCUMENTS OF THE PEASANTS OF KALININ REGION DURING «GREAT TERROR»: ORIGIN'S ANALYSIS

Summary

In the article is presented the analysis of the different investigation documents, directed against the peasantry of Kalinin region in 1937–1938: inventories, writs on arrests and searches, biographical particulars of prisoners, examination records of prisoners and witnesses, indictments and the others. In the article also is noted that the investigation documents in spite of their subjective disposition, tendentiousness and information scantiness are the relics of culture of their own time, and they have the objective information about their origin and the time they belong to.